

№ АНТРАКТЪ 37

Антрактъ выходитъ ежеполѣтно. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкой на домъ, въ Москвѣ—2 руб. сер.; полугодовому—1 руб. 50 коп. сер. за три мѣсяца—1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію—1 руб. сер. Подписка отъ иностранныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа января мѣсяца. Подписка принимается исключительно, отъ 8 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи издательскихъ (московскихъ театровъ (Т. Раса), у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Токмова, а также въ книжныхъ лавкахъ обонхъ московскихъ театровъ, въ московскомъ почтамтѣ и въ книжномъ магазинѣ Салавскихъ на Никольской улицѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: Новая французская труппа въ Москвѣ. — Бенефисъ г. Фивокки. — Во время терроризма, театральныя эпизоды 1789, 1793 и 1794 годовъ, Теодора Бирнелъ. — Позволительно-ли скороходство? — Смысь (Сократъ) у г. Аббаззовскаго. — Разныя извѣстія. — Отвѣты редакціи.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ТРУППА ВЪ МОСКВѢ.

Болѣе полутора десятка лѣтъ Москва не имѣетъ постоянной французской труппы и между тѣмъ серьезной потребности въ постоянныхъ французскихъ спектакляхъ не оказывалось и не высказывалось ни съ одной стороны: въ самомъ дѣлѣ, о французской ли труппѣ думать московской публикѣ, когда и русская то драматическая труппа у насъ ветшаетъ и хилѣетъ не по днямъ, а по часамъ, когда московская сцена не можетъ обзавестись порядочною русскою оперою. Къ тому же Москва не Петербургъ: въ Москвѣ не набрасываются на удовольствія всякаго рода во что бы-то ни стало, а пользуются имъ умѣренно и болѣе или менѣе съ разборомъ. Что же касается до французскихъ спектаклей, то они ни въ какомъ случаѣ не могутъ даваться для слишкомъ большого числа постоянныхъ посѣтителей и тѣмъ ограниченнѣе кружатъ ихъ, тѣмъ болѣе требовательности надобно, конечно, ожидать отъ нихъ. Вотъ почему и прежде бывшая въ Москвѣ постоянная французская труппа, давая спектакли свои только по средамъ и субботахъ, рѣдко играла передъ наполовненными сверху до низу зрителями нашимъ Малымъ театромъ, хотя труппа эта была довольно состоятельна и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Нечего и говорить, что спектакли французской труппы Михайловскаго театра, пріѣзжавшей въ Москву на время коронаціи, посѣщались довольно усердно; но вѣдь пребываніе этой труппы было такъ кратковременно, да и къ тому же это была замѣчательно хорошая труппа. Въ настоящее время французскіе спектакли цѣлымъ, почти непрерывающимся рядомъ, не исключая и субботъ, дпн, почему то съ довольно давняго времени и до сихъ поръ нетеатральнаго для Москвы, возобновлялись у насъ вновь прибывшею труппою Рафаэля Феликса. Пріѣзду этой труппы предшествовало нѣсколько довольно благопріятствующихъ ей слуховъ и извѣстій; говорили о ея не безуспѣшной дѣятельности въ Англіи; у насъ въ рукахъ было даже нѣсколько отзыовъ иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ если и обнаруживалась нѣкоторая пустота репертуара, то вмѣстѣ съ тѣмъ однако можно было сдѣлать выгодныя заключенія о самой труппѣ. О представленіяхъ этой труппы въ Нижнемъ Новгородѣ, во время

ярмарки, въ одной изъ московскихъ газетъ былъ сдѣланъ также очень лестный отзывъ. Все это не могло не аарасположить москвичей въ пользу новой французской труппы и давало имъ право ожидать хорошей новости. Мы также ждали и желали видѣть что нибудь, стоящее серьезнаго вниманія, и съ своей стороны нашли пужнымъ сообщить персональ и репертуаръ этой труппы. Въ яршное воскресенье состоялось наконецъ въ Большомъ театрѣ первое французское представленіе. Публика, какъ и можно было ожидать, собралась въ очень большомъ числѣ, оставивъ незанятыми только очень немногія мѣста зрительной залы. Но какъ и изъ чего составилась этого первый и, стало быть, кизовой спектакль? Страшно сказать: изъ пустой, но немаленькой комедіи плодovitаго, болтливаго и крайне безсодержательнаго Сарду «La rariшоппе» и еще пустѣйшаго, очень стараго и тоже довольно длиннаго подевіа Барьера и Декурселя «Un monsieur qui suit les femmes». Самое свойство этихъ піесъ слагаеъ съ насъ обязанность распространяться о нихъ: объ эмеридлахъ, подобныхъ названной комедіи Сарду, мы не охотно удѣляемъ много мѣста и въ отдѣлѣ «Иностраннаго обозрѣнія». Мы хотимъ и считаемъ себя до нѣкоторой степени обязанными высказаться только объ исполнителяхъ.

Во главѣ новопріѣзжей труппы стоятъ г. Равель и г-жа Дешапъ, имена которыхъ на театральныя афишахъ выставляются въ отдѣльныхъ крупныхъ строкахъ; съ нихъ мы начнемъ да на нихъ почти и кончимъ, такъ какъ только эти два лица и овладѣваютъ исключительно вниманіемъ публики, оставляя на долю другихъ своихъ товарищей—служить необходимымъ дополненіемъ. И г. Равель, и г-жа Дешапъ поступили въ труппу Рафаэля Феликса со сцены Палероальскаго театра, на которой занималъ первыя амплуа, какъ опять-таки значится это и въ самой афишѣ («artistes, premiers sujets»). Г. Равель—комикъ и имя его дѣйствительно давно пользуется извѣстностью. Преемникъ Этьеня Арналя по комическому амплуа палероальской сцены, онъ пользовался успѣхомъ и на сценѣ Михайловскаго театра въ Петербургѣ. Но чѣмъ чаще паталживались мы на имя г. Равеля прежде, чѣмъ болѣе лестнаго и благопріятнаго о немъ читали и слышали въ разное время изъ разныхъ источниковъ, тѣмъ болѣе были поражены теперь, когда намъ пришлось встрѣтиться съ самымъ г. Равелемъ и провѣрить собственными глазами и ушами читаемое и слышанное.

Комизмъ — великая сила вообще, въ сферѣ какого бы то ни было искусства, въ произведеніи какого бы то ни было художника ни обнаруживался онъ; наибольшее же значеніе получаетъ комизмъ у актера и самое осязательное вліяніе комизма на массу — совершенно въ средствахъ драматическаго искусства. Но эта сила оказывается вполне силой дѣйствующею только тогда, когда она прямо корепится на несомнѣнномъ, задущевномъ, глубоко-внутреннемъ свойствѣ актера метко прозирать въ сущность вещей, возвышаться надъ ними и умѣть, особеннымъ свѣтомъ отгнати тѣ стороны ихъ, къ которымъ пелъся отнеслись подожительно, но которые только пропади бы и при чисто отрицательномъ отношеніи къ нимъ. Комизмъ поэтому есть сила, которая стоитъ на рубежѣ между уродливымъ, дурнымъ — съ одной стороны, и изящнымъ — съ другой. Дѣло въ томъ, что ни одинъ физиологическій процессъ не вызывается съ такою легкостью въ человѣческомъ организмѣ, какъ процессъ смѣха. Заставить человѣка разсмѣяться никогда вѣчно не стоитъ и часто сила повода къ смѣху бываетъ даже обратно пропорциональна силѣ самаго смѣха. (Любопытные могутъ съ интересомъ обратиться въ этомъ случаѣ къ старой книгѣ: «Gelatoscopin sive diviniatio ex risu» Амбровизи; авторъ этой книги строитъ цѣлую систему характеровъ и дѣлаетъ очень остроумныя соображенія на способности человѣка возбуждаться къ смѣху). Но если это такъ, если дѣйствительно смѣхъ порой вызываетъ всѣмъ, великимъ пустякомъ, великою бездѣлицею, то это только обязываетъ насъ осмотрительнѣе относиться къ поводамъ смѣха. Въ процессѣ смѣха, какъ для смѣющагося, такъ и для смѣшающаго, поэтому важно не то — какъ, много или мало, сильно или пѣтъ смѣются, а то — надъ чѣмъ смѣются. Между тѣмъ то состояніе, въ которомъ бываетъ человѣкъ во время смѣха, на столько пріятно намъ, что, сами желая чаще испытывать его, мы инстинктивно почти стараемся и другихъ приводить въ подобное состояніе, т. е. стараемся смѣшить другихъ. Намъ пріятно порой вызывать смѣхъ, подавать поводъ къ смѣху, въ которомъ мы и сами неполно такимъ образомъ привнѣаемъ участіе. Но вотъ въ этомъ-то желаніи смѣшить многие и заходятъ слишкомъ далеко, вдутъ къ цѣли, не разбирая рѣшительно средствъ, хотятъ смѣшить во что бы то ни стало, лишь бы смѣшить. Всего возможнѣе увлеченъ такимъ желаніемъ, разумеется, актеру, который съ подмостковъ сцены однимъ словомъ, однимъ жестомъ можетъ легко и скоро вызвать самый дружный и громкій залъ непринужденнаго смѣха; по томуто именно актеръ и долженъ быть особенно остороженъ въ выборѣ средствъ къ возмущенію смѣху. Не поддаваясь соблазну — самую дешевою цѣною и въ самое короткое время завоевать вниманіе публики, актеръ можетъ допустить только такое средство къ возбужденію смѣха, которое было бы достойно его искусства, которое было бы достойно его публики, если только онъ хоть на волеѣ цѣнить ее. Актеръ прежде всего — толкователь человѣка передъ человѣкомъ. Пусть же помнитъ и сознаетъ онъ всю великость своего призванія и пусть никогда не забываетъ

опъ, что *толковать* и *искажать* — два дѣла разные и что послѣднее — вовсе не его дѣло. Служитель искусства, актеръ вращается въ области изящнаго и, переступивъ за предѣлы этой области, онъ перестаетъ быть служителемъ искусства. Это относится къ актерамъ всѣхъ временъ, всѣхъ сценъ и всѣхъ амбуа; исключеній въ этомъ случаѣ пѣтъ и быть не можетъ ни для кого и никакихъ. Не прямо ли слѣдуетъ изъ этого, что и актеръ-комикъ долженъ съ крайнею осторожностью пользоваться своимъ своимъ ролей, своего таланта? А между тѣмъ всегда ли видимъ мы въ комическихъ актерамъ, эту необходимую осторожность? Рѣдко ли на любой сценѣ приходится намъ папротивъ замѣчать, что актеръ, занимающій комическое амбуа, самъ еще хорошенъко не сознавшій въ себѣ свойства своего комизма, а иногда даже успѣвшій почти убѣдиться въ рѣшительномъ отсутствіи этого свойства, начинаетъ испытывать его въ себѣ на всѣ лады. И счастье, если, при такомъ самоиспытаніи, обнаружится въ актерѣ источникъ внутренняго комизма, который скажется въ ясной, свѣтлой, непринужденной веселости и который вызоветъ со стороны зрителей чистый смѣхъ. А не обнаружится — па бѣду — этого природнаго, незыскаемаго источника веселости, и актеръ какъ равъ пустится на всякаго рода изобрѣтенія, шутки и, за пѣнѣніемъ внутренней основы въ вселомъ расположеніи духа, въ природной способности заставлятъ смѣяться другихъ, ограничится только одними внѣшними приемами, которыми ему удастся порою возбуждать зрителей къ смѣху самого сомнительнаго свойства. Нечего и говорить, что самому не остроуму, самому не искусственному глазу не трудно подмѣтить всю глубокую разницу между этими двумя видами комизма: внутреннимъ и внѣшнимъ. Способность быть смѣшнымъ и желаніе смѣшнымъ казаться — двѣ па столько различныя вещи, что ихъ невозможно и смѣшивать одну съ другою. Этотъ внѣшній комизмъ дастъ себѣ почувствовать съ самаго пернато выхода актера па сцену, съ одного его жеста, взгляда, а тѣмъ болѣе съ двухъ, трехъ произнесенныхъ имъ фразъ роли. Много житейской правды и смысла въ извѣстномъ изреченіи Сократа: «Говори, чтобы я могъ тебя видѣть!» Въ г. Равелѣ мы именно увидали съ первыхъ же сценъ его роли въ комедіи Сарду актера, ивившагося во всеоружіи этого вѣншаго комизма и сильно искушеннаго въ немъ. Первое впечатлѣніе не было обманчиво. Дѣйствительно, въ чемъ заключается вся сущность комизма французскаго предрославленнаго комика? Въ странностяхъ и несообразностяхъ, па которые разчитанъ главнѣйшимъ образомъ весь комическій эффектъ игры его. Г. Равель, входя на сцену уже самою неестественною походкою: опъ не столько ходитъ, сколько трасется на носкахъ, смѣнить позы, бѣгаетъ, подскакиваетъ и прыгаетъ, да какъ еще прыгаетъ-то! При этомъ прыжкѣ онъ даже откидываетъ ноги па откинь и принимаетъ то-п-дѣло летучую позу; руки его приуны къ размашистымъ, па крайне одпообразнымъ жестамъ: всего употребительнѣе у него посторѣпное вздыманіе или скидываніе рукъ къ верху и потомъ быстрое опусканіе ихъ; это употребляется у него

на каждом шагу, и къ мѣсту, и не къ мѣсту (последнее чаще); на этотъ жестъ, какъ замѣтно, артистъ разсчитываетъ, какъ на жестъ, заключающій въ себѣ свойство легкости и даже граціи. Выраженіе глазъ его вынеудовите: его зрачки вѣчно бѣгаютъ и взглядъ постоянно какъ бы разбрасывается; иногда же, въ тѣхъ случаяхъ, когда актеръ хочетъ выразить нѣкоторую сосредоточенность и съ отъѣшномъ ироніи устремляется на что побудь, — зрачки его на мигну остываиваются, но глаза въ тоже время какъ-то странно восятъ, особенно если г. Равель, желая придать нѣкоторую иронію тѣмъ или другимъ словамъ своимъ, начнетъ при этомъ значительнѣе и медленно поводить глазами, или обводитъ ими зрительную залу, или (что выходитъ у него еще страшнѣе) ажурить ихъ. Худощавое, довольно морщинистое лицо г. Равеля достаточно выразительно, ибо черты лица принимаютъ очень однообразное направленіе и стягиваются къ низу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда актеръ смѣется, или даже только улыбается; это стягиваніе всѣхъ очертаній лица по направленію къ одному пункту, именно ко рту, причеиъ подаютъ значительно вперед и брови, отнимаетъ у выраженія лица всякую естественность и кромѣ того сообщаетъ ему нѣкоторую валость или даже мертвенность. Несмотря на очень незначительную подвижность лицевыхъ мускуловъ, г. Равель часто, даже очень часто прѣбываетъ къ самымъ невозможнымъ гримасамъ и сканшоанію лица въ одну сторону, чѣмъ, думаетъ онъ смѣшить зрителей, по что не только не смѣшно, но даже производить непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ безъ сканшоанія лица въ ту или другую сторону г. Равель не произноситъ почти ни одного *a parte* своей роли, да при этомъ еще, для болъшей силы, прищуриваетъ обыкновенно лѣзъ. Говоритъ г. Равель на пѣсъ ролоса и тоны; онъ безъ пужды тичетъ на распѣвъ почти нѣмыя длинныя фразы, его скороговорка и любимое имъ говоревье болъе длинныхъ мѣстъ роли безъ перевода дыханія также непріятно поражаютъ ухо, потому что отзываются тоже какими-то странными, чтобы не сказать дикими, полушѣиємъ; мало того: г. Равель пицить, свистѣть и кричить, да, кричитъ благимъ матомъ и во все горло. Отношенія г. Равеля къ сценарию самое безцеремонное; онъ не останавливается ни передъ чѣмъ; ему ни по чѣмъ, напр., забыть за одну изъ лѣсныхъ кулисъ и сейчасъ же показаться изъ за передняго драпри у ложи бенуара, и даже облокотиться на это драпри, т. е. стало быть, ему ничеиъ пидти даже изъ рамы, въ которой происходитъ дѣйствіе пизы, и въ концѣ, разрушить всякую иллюзію (какъ это сдѣлалъ онъ въ водевилѣ). Нечего и говорить уже, что въ шрѣ г. Равеля просто не обережены разнаго рода сюрпризовъ и печальностей, въ родѣ того, напр., что въ водевильной роли южнана упивалъ, желающаго казаться лоннымъ, граціознымъ, молодымъ, онъ вдругъ, прѣдъ незнакомой женщиной, которой жааетъ понравиться, затрясется пѣкомъ корпосомъ и на всѣ стороны, согнется, замотаетъ головой и при этомъ скорчить ужасную, ничѣмъ необъяснимую и рѣшительно ничего не выражающую гримасу. Правда, обѣ роли, игранныя г. Равелемъ

въ первый спектакль, были чисто агробатическаго свойства: но разпѣ и па долю вашихъ гг. Живокони и Сидовскаго ве выпадаютъ цѣлыми дюжинами подобныя роли въ ихъ амбуа; а развѣ — ссылаемся на нѣхъ — за нашими комиками водится все то, чѣмъ прѣхалъ поражать насъ французскій комическій актеръ, да еще и изъ знаменитыхъ? Нѣтъ, покторяемъ, все дѣло въ томъ, что комизмъ г. Равеля основанъ только на вышинеиъ и потому на наши глаза не выѣтъ за собою положительнаго достоинства. Если же публика поддается на шутки и выходки г. Равеля, то этимъ только еще разъ подтверждается та истина, съ которой мы почти иначали эту статью нашу, т. е. что публика вообще падка на смѣхъ.

Комизмъ г. Равеля не столько комизмъ исключительно лицевой, что долженъ быть правильнѣе названъ комизмомъ тѣлодвиженій, не пужающимся въ игрѣ и жизни ипугренней и выразителъ этой жизни — лицѣ. Это совершенно понимаютъ клоуны всевозможныхъ црковъ, для которыхъ комизмъ тѣлодвиженій составляетъ единственную цѣль, исключительную профессію и, которыми въ послѣднее время онъ доведенъ до замѣчательнаго въ своемъ родѣ совершенства. Въ лицѣ и въ выраженіи эти очень некусые въ своей еициальности госнода до такой степени мало пужаются, что съ легкой руки лучшихъ авглійскихъ клоуновъ въ послѣднее, очень недавнее время распространился между клоунами всѣхъ почти црковъ, обычаи размazyвать лицо грубыми крупными пятнами и надѣпаты на голову нарикъ — *grolesque* изъ трехъ разноцвѣтвыхъ перстияныхъ хохловъ; клоуны, какъ видно, даже опасаются, чтобы подъ часъ настроеніе, выражающееся у нихъ въ лицѣ, не контрастировало рѣзко съ тѣми ипугами, которыя они иногда противъ воли или даже, можетъ быть, и спинозъ слезы доланы выдѣлывать: вотъ до какой степени можетъ доходить разобщеніе между внутреннимъ состояніемъ иваго комика и привнеліемъ его комизма.

За г. Равелемъ, по нашему, неотъемлемымъ остается большое самообладаніе на сценѣ, большаи находчивость, смѣлость, умѣнье подчирпывать всякое мало-мальски выдающееся слово и злоупотребленіе природной подпикностью, которую мы отнюдь не думаемъ однако смѣшивать съ ивергіею и живостью.

Г-жа Дешанъ пронвела на насъ гораздо лучшеи впечатлѣніе, чѣмъ г. Равель. Это актриса съ недурными, хотя и не очень большими средствами; въ еи игрѣ есть умъ, живость, ловкость, кокетливость; еи дикція чиста и правильна; къ ложнымъ эффектамъ она не прибываетъ, ипигнутою не страдаетъ, напротивъ довольно проста и въ простотѣ не пренебрегаетъ необходимымъ изяществомъ. Для актрисы — всего этого очень не мало. Что же касается до ханштерности, до умѣнья измѣняться болъе или менѣе значительнѣе сообразно съ требованіями ролей, то этого свойства и за г-жею Дешанъ, какъ и за болъшею частію актрисъ ся амбуа, мы не замѣтили, и въ двухъ игровыхъ еи роляхъ двухъ различныхъ пизъ перваго спектакля она была рѣшительно неизмѣнима и довольно однообразна.

За тѣмъ изъ болѣе выдававшихся второстепенныхъ лицъ труппы, можно сказать развѣ только о г. Гиндорфѣ, что онъ вовсе невозможенъ для молодыхъ комическихъ ролей, ибо до послѣдней степени обдѣленъ комическимъ талантомъ и не столько играетъ, сколько ломается (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) на сценѣ; г-жа Блокъ только что не портитъ дѣла въ менѣе значительныхъ роляхъ, какъ и г-жа Одомаръ и г. Шандора, а г. Герешъ игрою и выраженіемъ лица напомнитъ намъ немало нашего г. Константинова: тоже усердіе и тотъ же педочетъ въ средствахъ. Въ комедіи «La famille Benoiton» еще два лица изъ труппы г. Рафаэля Феликса зарекомендовали себя съ хорошей стороны: г. Мерсье, просто в естественнo сгравировавшій роль Бенуатона, и маленькая Жераръ, мило, умно и непринужденно исполнившая довольно значительную роль Фанфана Бенуатона.

Что касается до огромныхъ цѣнъ, назначенныхъ на мѣста въ театрѣ Секретарева, во время французскихъ спектаклей, составленныхъ изъ маленькихъ водевилчиковъ, то мы не можемъ прибрать этому курьезу никакого объясненія и очевь бы желали получить положительное свѣдѣніе, кому и въ силу какихъ соображеній могло придти въ голову опубликовать въ печатныхъ афишахъ такія цифры. Второй спектакль въ театрѣ Секретарева, какъ и нужно было ожидать, былъ отмененъ за неявку москвичей; желающихъ платить 5-ти и 25-ти рублевые кредитные билеты за удовольствіе посмотрѣть три одноактныхъ водевиля.

БЕНЕФИСЪ Г. ФИНОККИ.

Въ бенефисъ г. Финокки, бывшій 11 сентября, возобновленъ *Трубадуръ* Верди. О самой оперѣ говорить не приходится: она слишкомъ извѣстна и притомъ объ ней въ Автрактѣ, въ первый годъ его существованія, была помѣщена большая, обстоятельная статья извѣстнаго музыкальнаго критика Скудо. Остается сказать только о теперешнемъ исполненіи этой оперы.

Роль Азучены исполняла г-жа Оноре. Она играла эту роль уже не въ первый разъ, но она ее пѣла до сихъ поръ по итальянски, а въ бенефисъ г. Финокки — по русски. И пѣніе и игра этой артистки въ этой оперѣ давно уже оцѣнены нашею публикою по достоинству. Г-жу Оноре, хотя игра ея нѣсколько и утрирована, можно смотрѣть и слушать въ этой оперѣ не безъ удовольствія даже и тѣмъ, въ комъ живо сохранилось воспоминаніе о прекрасной исполнительницѣ этой роли, г-жѣ Демерикъ-Лаблашъ. Можно даже сказать, что это лучшая Азучепа, которая когда либо была въ Москвѣ послѣ Демерикъ-Лаблашъ.

Г. Раппортъ исполнялъ роль Манрико. Онъ видимо боялся за ея исполненіе, которое отъ того и отзывалось большою неувѣренностію. Впрочемъ пѣніе его въ этой партіи было большею частію удовлетворительно, по игра слаба. Лучшими мѣстами въ его исполненіи были: дуэтъ съ Азучепою въ 1-й картинѣ 2-го акта и трогательная меланхолическая мелодія Манрико въ башнѣ подъ анкомпониметъ арфы: *Какъ для страдальца скоро*; а самы-

ми неудачными: дуэтъ съ Леонорою во 2-й картинѣ 3-го акта (въ этомъ дуэтѣ у него сильнымъ и неприятнымъ образомъ сорвался голосъ) и финалъ того же акта, гдѣ пѣнію его много вредила игра: Манрико-Раппортъ, обаявшею мечъ, въ этой патетической сценѣ, когда онъ спѣшитъ на врага, чтобы спасти свою мать, какъ-то подилясывалъ, выпѣвая такіа трагическія слова:

Итакъ, не удастся,
Въ томъ я клянусь,
Гнуснымъ злодѣемъ
Мать погубить и проч.

Нельзя не замѣтить, что г-жа Меньшикова должна была много трудилась выпѣшнымъ лѣтомъ, падъ усовершенствованіемъ своего дарованія. Она сдѣлала замѣтные успѣхи: еще за нѣсколько дней передъ бенефисомъ Финокки, на представленіи *Русалки*, въ которомъ въ послѣдній разъ участвовалъ пѣвецъ Николаевъ, мы съ удовольствіемъ замѣтили, что г-жа Меньшикова гораздо лучше исполняла роль Наташи, чѣмъ въ прошломъ году. И на бенефисѣ Финокки первая картина четвертаго акта, въ которой выпѣшнее весною исполненіе г-жи Меньшиковой было такъ плохо, эта самая сцена въ выпѣшній разъ была исполнена ею хорошо. Да и вообще объ исполненіи ею всей роли Леоноры можно было бы отпестись съ похвалою, еслибы только природныя вокальныя средства пѣвицы не были нѣсколько слабы для этой партіи.

Бенефициантъ въ всѣмъ роли Фернандо былъ бы очень хорошъ, еслибы только получше произносилъ русскія слова. Его рѣзкій и, такъ сказать, жесткій голосъ очень идетъ къ этой партіи.

Изъ всѣхъ исполнителей оперы, всѣхъ несостоятельныхъ былъ г. Дмитріевъ. Неприятный, какой-то глухой тембръ его голоса, нехорошо поставленнаго, очень вредитъ впечатлѣнію, производимому этимъ пѣвцомъ; игра г. Дмитріева тоже не скрашиваетъ его пѣнія и мнѣ кажется, что партія графа Лупы, требующая баритона сильнаго, не совсѣмъ-то по средствамъ этого пѣвца.

Хоръ и оркестръ исполнили свое дѣло хорошо.

О. И.

ВО ВРЕМЯ ТЕРРОРИЗМА.

(ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЭПИЗОДЫ 1789, 1793 и 1794 годовъ, ТЕОДОРА ГИЛЬЯ *).

IV.

Представленіе «Памелы». Слѣдствія этого представленія. Лабюсьеръ.

Ободренные благословнымъ приемомъ *Друга законовъ*, актеры Национальнаго Театра поставили еще пѣсу, содержаніе которой не могло поправиться конвенту. Драма эта называлась *Памела*. Правда, въ пѣсѣ говорилось весьма мало противъ конвента, но она давала случай актерамъ отмстить за *Друга законовъ*. Въ августѣ 1793 года конвентъ могъ безъ страха принимать вскую мѣру; всѣ повиновавшіеся ему; члены его, подъ предсѣдательствомъ Ро-

*) Первые три эпизода напечатаны въ 35 и 36 № № «Антракта».

беспьера, играли человеческою жизнью. Но какъ пи мало заботились въ Парижѣ объ арестахъ и казняхъ на гильотинѣ, все-таки принятіе военныхъ мѣръ возбудило сильное волненіе. Одеопъ былъ окруженъ; стража проникла во внутренность театра, и не прошло часа, какъ весь Парижъ уже зналъ, что актеры Національнаго театра, по приказанію комитета благосостоянія, арестованы. Кто изъ нихъ не былъ схваченъ въ театрѣ, того служители комитета брали изъ дому ночью, подъ проливнымъ дождемъ. Тюрьмы припали въ себя этихъ несчастныхъ; половина Парижа пришла въ уныніе; ужасъ объялъ всѣхъ актеровъ; каждый ожидалъ, что вотъ и до него дойдетъ очередь; зависть и злоба дѣйствовали вполне свободно и художественное соперничество теперь легко оканчивалось на гильотинѣ. Талмъ и вообще актерамъ улицы Ришелье предстояла двойная забота, потому что, кромѣ опасеній за самихъ себя, на нихъ лежало гнусное подозрѣніе, что они содѣйствовали арестованію ихъ товарищей, чтобы разъ навсегда освободиться отъ конкуренціи. Они знали, что они не виноваты ни въ чемъ и потому осмѣлились сдѣлать шагъ въ пользу своихъ заключенныхъ товарищей по искусству. Первый вступился за нихъ актеръ Шапвиль. Прежде онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Колло д'Эрбуа и поэтому рѣшился просить его о пощадѣ его товарищей. Препіи актеръ принялъ его ходатайство очень сердито.

— Убирайся къ чорту!—воскликнулъ онъ—ты и твои товарищи всѣ вы—противореволюціонеры. Я велю половину всей Французской Комедіи казнить, а другую сослать на галеры или въ ссылку.

Огорченный Шапвиль удалился изъ Тюльерп, гдѣ комитетъ благосостоянія имѣлъ свои засѣданія въ небольшихъ комнатахъ Людовика XVI, еще украшенныхъ зеркалами, позолотою и шелковыми матеріями. Актеры Національнаго театра могли считать себя погибшими, потому что въ то время тюрьма была преддверіемъ эшафота и ежедневно по улицамъ влачили новыя жертвы, а Колло д'Эрбуа велѣлъ какъ можно скорѣе приготовить обвинительные акты и отослать ихъ настоящей гильотинѣ въ человеческомъ образѣ, Фуке Тенвиллю, публичному обвинителю, при слѣдующей запискѣ: «Комитетъ благосостоянія посылаетъ вамъ, «гражданинъ», акты, относящіеся къ части бывшихъ «французскихъ актеровъ. Вы знаете, какъ знаетъ это «всякій патріотъ, въ какой высокой степени эти люди—«враги республики. Какъ только акты эти будутъ про-«смотрѣны, вы публично обвините эту труппу. Что же «касается до тѣхъ, которые еще не арестованы, то мы «хотимъ подождать еще арестовывать заслуживающихъ «столько ссылку до тѣхъ поръ, пока будетъ постановленъ «приговоръ о тѣхъ, которые заслуживаютъ казнь».

Это была вѣрная смерть. Судьи, ради собственной безо пасности, боялись въ то время противѣчить обвинительнымъ актамъ Фуке Тенвиля. Въ Парижѣ даже назначали уже день, въ который актеры и актрисы должны взойти для послѣдняго зрѣлища на кровавую сцену.

Но надъ несчастными актерами бодрствовалъ человекъ смѣлый, мужественный до презрѣнія смертію. Этотъ чело-

вѣкъ былъ Лабюсьеръ, страстный любитель театра, тогдашній секретарь комитета благосостоянія. Лабюсьеръ остолбенѣлъ отъ ужаса, когда къ нему въ руки попали эти обвинительные акты; онъ съ разу попалъ всю чрезвычайную опасность арестованныхъ. Къ этому ужасу присоединилось еще сожалѣніе. Хорошенькія, милыя сестры Конта, всегда снабжавшія его билетами, прелестная Ланжъ, интересная Рокуръ, Флери, Дазенкуръ, Ларивъ и многіе другіе, неужели всѣ они должны копчить жизнь на эшафотѣ? Эти люди, которые такъ нравились Лабюсьеру, которыхъ игра доставляла одно изъ лучшихъ наслажденій и въсегда бѣдному писцу, являвшихся въ театрахъ которыхъ онъ отдыхалъ послѣ тяжелой работы, эти люди должны были проѣхаться на телегахъ посреди кроваваго парада, взойти на эшафотъ и наконецъ умереть подъ рукою палача! Нѣтъ, это невозможно, это ужасно! И Лабюсьеръ задумался. Бумаги, заключающія въ себѣ доказательство, могутъ пропасть — подумалъ онъ, — главное — надо выиграть время! Эту задачу и поставилъ себѣ Лабюсьеръ. Событія могли все измѣнить къ лучшему и рѣшеніе революціоннаго судилища могло не состояться. Но какъ же поступить? Лабюсьеръ остался въ обѣденное время въ канцеляріи, въ шкафахъ которой лежали роковыя бумаги; но куда ихъ было дѣть? Разорвать, — по могли отыскать лоску ки; сжечь, — по это также было опасно. Въ каждомъ слугѣ родилось бы подозрѣніе, если бы Лабюсьеръ велѣлъ лѣтомъ разложить огонь; а это было такое время, когда каждый дописалъ одинъ на другаго. Правда, онъ могъ взять эти акты съ собою домой и никто бы не сталъ подозрѣвать его, секретаря комитета благосостоянія; но куда дѣвать ихъ и дома? Лабюсьеръ подумалъ нѣсколько минутъ и наконецъ нашелъ средство уничтожить эти бумаги.

у.

Спасеніе актеровъ.

Какъ только паступилъ часъ обѣда и всѣ, занимавшіеся въ комитетѣ, удалились, Лабюсьеръ, взявъ на лѣстницу, приставленную къ шкалу съ актами, онъ взялъ изъ него двѣ большія связки съ актами, обвиняющими арестованныхъ актеровъ, завернулъ эти связки въ бумагу и вышелъ изъ Тюльерп. Не далеко отъ замка, изъ котораго онъ могъ идти безпрепятственно, какъ седовѣкъ, опонсанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, ему попался Дюгазонъ. Комикъ не посмѣлъ заговорить съ Лабюсьеромъ и только привѣтствовалъ его глазами. Лабюсьеръ пошелъ за Дюгазономъ и хотя они оба охотражились впадъ, что не знаютъ другъ друга, но когда проходили одинъ мимо другаго, паскоро помѣнялись нѣсколькими фразами.

— Наши товарищи погибли?—спросилъ Дюгазонъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Лабюсьеръ.

— Кто же ихъ спасетъ?

— Я.

— Вы?

— Да, я надѣюсь. Помните о вечерѣ 27-го марта 1789 г., я сказалъ вамъ: можетъ быть, когда нибудь

я важъ и пригожусь; вспомните о чтеніи у Робеспьера, я сказалъ вамъ: когда вы будете въ опасности, не забудьте обо мнѣ. Во время суматохи въ день представленія *Противъ революціонера* я увлекъ васъ на локоть, а сегодня и, можетъ быть, спасу весь Національный театръ. Вы видите, что я таки признателенъ за часы наслажденія и за даровые билеты.

Они разошлись. Лабюсьеръ направилъ свой путь къ берегу Сены. Онъ вошелъ въ домъ, стоявшій на набережной. Въ то время постройки не были расположены такъ далеко отъ рѣки, какъ въ настоящее время, и много дома были омываемы полпами Сены.

Домъ, въ который вошелъ Лабюсьеръ, имѣлъ на своихъ входныхъ дверяхъ надпись «Холодные и теплые ванны». Лабюсьеръ поспѣшилъ въ корридоръ, въ которомъ помѣщались отдѣльные ванны комнаты.

— Теплую ванну!—закричалъ онъ служительшо.

Черезъ нѣсколько минутъ, секретарь уже сплѣлъ въ дымящейся ваннѣ; онъ тщательно заперъ дверь и держалъ въ рукахъ связки бумагъ съ обвинительными актами. Еще прежде онъ отбѣтилъ нѣкоторые донесенія, отдѣляя ихъ отъ другихъ бумагъ, изорвалъ, намочилъ ихъ въ теплой водѣ, смѣсилъ размягченную массу, какъ мѣсто тѣсто, открылъ потихонку въ ванной комнатѣ окно, выходящее на Сепу, и въ видѣ маленькихъ шариковъ бросилъ черезъ него въ рѣку, протекающую у самаго дома, произведенія Кюлло д'Эрбуа, Тенвиля и другихъ, превращенныя въ мягкое тѣсто. Бросая, онъ робко прислушивался, по все было тихо, не слышалось никакого шума, только плескались волны Сены, и Лабюсьеръ даже могъ ясно различать тихій плескъ, когда брошенный имъ шарикъ ударился въ воду. Онъ работалъ осторожно и употребилъ цѣлый часъ, пока не уничтожилъ всего, что могло бы потянуть на судебныхъ вѣсахъ особенно тяжело. Онъ возвратился въ капцеларію еще довольно заблаговременно, прежде всѣхъ товарищей, и поспѣшно положилъ остальные акты на прежнее мѣсто.

Невозможно описать той суматохи, какая поднялась въ то время, какъ долженъ былъ начаться судъ надъ актерами, а актовъ обвиненія не оказывалось. Недоставало показаній свидѣтелей-патріотовъ, протоколовъ, составленныхъ служителями безопасности, небольшихъ писанныхъ собственноручно актерами записокъ, которыя, будучи взяты имѣть, сильно могли компрометировать служителей искусства и были найдены при домовыхъ у нихъ обыскахъ. Начались допросы всей капцеларіи. Допрашивать явился Фуке Тенвиль; его возбуждающее ужасъ лице пылало, когда онъ отбиралъ допросы.

— Ты другъ актерамъ,—закричалъ онъ Лабюсьеру,—ты мнѣ подозрителенъ.

Лабюсьеръ задрожалъ, по скоро оправился. Насмотрѣвшись въдоволь на игру актеровъ, онъ такъ освоился съ нею, что сумѣлъ представить величайшее неудобство. Онъ ударилъ кулакомъ по столу, сталъ призывать мщеніе богини свободы и головы его обвинителей, объялъ бѣдъ Марата, смерть котораго онъ повидимому оплакивалъ.

Фуке Тенвиль не могъ представить никакого доказательства своему подозрѣнію, хотя акты и очевидно были похищены. Не оставалось ничего болѣе, какъ начать слѣдствіе споза; но какъ внимательны слѣдователи и наблюдатели за служащими въ капцеларіи, а особенно за Лабюсьеромъ, все-таки время отъ времени исчезали разныя бумаги, которыя компрометировали актеровъ и исчезновеніе которыхъ могло затянуть слѣдствіе. Наконецъ Тенвиль рѣшилъ, что приговоръ долженъ быть постановленъ и безъ обвинительныхъ актовъ, и уже хорошенки актрисы готовились сложить свои головы подъ топоръ, какъ вдругъ девятое термидора освободило Францію отъ жестокой руки Робеспьера. Паденіе диктатора открыло тысячамъ людей двери тюрьмы. Вотъ до тѣхъ то поръ, съ опасностію собственной жизни, Лабюсьеръ вставилъ протянуть слѣдствіе объ актерахъ. Спасенные со слезами на глазахъ привѣтствовали воздухъ свободы и спокойствія; не менѣе радовались и парижане освобожденію такого большаго числа превосходныхъ талантовъ, которые были ихъ любимцами и которыхъ они такъ давно не видали на сценѣ. Актеры улицы Ришелье пестриво по братски встрѣтили освобожденныхъ товарищей.

Когда м-ле Кюпта послѣ того въ первый разъ вышла на сцену, извѣстная маркиза де Креки осмѣлилась показаться въ театрѣ. Она аплодировала актрисѣ. Въ тюрьмѣ спатпалъ дама подружилась съ комедіанткою.

Но никто изъ актеровъ не отважился еще публично благодарить Лабюсьера, да и онъ съ своей стороны охотпо ограничился только даровыми билетами и опредѣленными для него мѣстомъ въ обонхъ театрахъ Французской Комедіи. Но за то, когда власть революціи закрылась, въ 1796, 97 и 98 годахъ актеры устраивали бенефисы своему другу и спасителю, которые, при господствовавшемъ въ то время энтузіазмѣ въ Парижѣ, приносили огромныя суммы.

— Посмотрите, что можетъ сдѣлать любовь къ искусству!—сказала Кюпта Дюгазону.

— И что можетъ сдѣлать какой нибудь даровой билетъ, или мѣсто за кулисами!—перебилъ, смѣясь, компъ.

Впрочемъ Лабюсьеръ спасъ не однихъ только актеровъ. Достоверно извѣстно, что не менѣе 200 лицъ обязаны ему своимъ спасеніемъ отъ гильотины. Судьба жестоко однакожь поступила съ этимъ человекомъ: Лабюсьеръ перенесъ много несчастій и умеръ неизлѣчимымъ сумасшедшимъ въ бисетрскомъ сумасшедшемъ домѣ.

Съ имл. В. Р.

ПОЗВОЛИТЕЛЬНО-ЛИ СКОРОХОДСТВО?

(Письмо къ редактору).

Отчего, скажите, скороходство счастливѣе, напримѣръ, кулачныхъ боевъ и до сей поры, спустя развлоченіемъ публики, не воспрещается властями? Чтобъ оправдать свой вопросъ, разскажу вамъ пидѣнное мною 10-го сентября въ Кремлевскомъ саду.

Въ половинѣ шестаго, согласно афишѣ, г. Антопій, славянинъ изъ Моравіи (намъ-то что за дѣло, кто онъ та-

кой?), известный скороходъ, обогнавшій весь свѣтъ и, по его увѣренію, пидѣ не имѣвшій соперниковъ въ своемъ искусствѣ (нечего сказать, хорошо искусство!...) началъ составленіе въ бѣготѣ на десятиверстномъ разстояніи съ московскимъ жителемъ А. А. — Побѣдный призъ въ 30 рублей. Одежда г. Антонія въ родѣ балетной съ прилежаніемъ носового платка, вычикъ котораго очень старательно жевалъ скороходомъ; его же соперникъ, повидимому, мужичекъ, въ красной рубахѣ, въ шерстяныхъ чулкахъ и безъ всякихъ прохладительныхъ предосторожностей во рту. Кроме того публика знала, что г. Антоній опытный человекъ въ своей профессіи, а мужичекъ — непривычный дебютантъ для избранной имъ роли. Все это давало шансы г. Антонию; однако вышло не такъ: мужичекъ, чуть не на первомъ кругѣ, обогналъ скорохода и много раньше прошелъ спорное разстояніе. Изъ сего встаетъ, что г. Антоній, славянинъ изъ Моравіи, и т. д. (не для приманки ли упомянуто здѣсь славянство? какъ это противно!) вовсе не замѣчательнъ въ своемъ родѣ и если до сей минуты не имѣлъ соперниковъ, то исключительно потому, что пидѣ, кроме Москвы, не имѣлось охотниковъ на безобразное состязаніе. Впрочемъ, было бы не важно, еслибъ спорная бѣготня на этомъ и кончилась; но вотъ въ чемъ вопросъ: кто поручится, что выигравшій призъ въ концѣ не разстроилъ такимъ пассажемъ своего здоровья? — Пробѣжать съ непривычки десять верстъ едва ли менѣе вредно, чѣмъ получить ловкій ударъ подъ девитое ребро! — Даже сію минуту я слышалъ, будто упомянутый А. А. умеръ. Какъ вамъ покажется этотъ исходъ, *весьма въролтный*, при подобныхъ развлеченіяхъ? Кроме того, говорятъ, г. Антоній опять собирается бѣгать и нашелъ уже новаго соперника. Неужели и на сей разъ состоится состязаніе? Намъ, конечно, нѣтъ охоты стѣснять въ бѣготѣ самого г. Антонія: онъ ужъ вездѣ бѣгалъ; но вполнѣ справедливо не давать въ соблазнъ новичковъ, не пскисавшихся въ этомъ дѣлѣ и не повинующихъ зловерности своихъ поступковъ. Въдъ въ Англіи же запретили Блондену хожденіе на канатѣ съ его дочерью. Въ данномъ случаѣ всѣ соперники г. Антонія — тѣ же дѣти, не знающія, что они дѣлають. Право, этотъ вопросъ стоитъ вниманія.

В. Сабоновъ.

С М Ъ С Ъ.

18-го августа посѣтили Оеодосію Ихъ Императорскія Высочества Сергій Александровичъ и Марія Александровна. Послѣ обѣденнаго стола въ домѣ г. Айвазовскаго, Августѣйшіе гости были приглашены хозяиномъ въ другой его домъ, расположенный на берегу моря и заключающій въ себѣ мастерскую художника и школу для учащихся живописи; здѣсь былъ устроенъ спектакль любителей, въ которомъ приняла участіе г-жа Л. П. Соков-

пина, супруга комеданта, и гг. Параруба и Аморетти; декорации были работы г. Айвазовскаго. Давали оперетку 66, передѣланную изъ водевиля Эмилія Сувестра, «La lotterie de Francfort». Піеса была выбрана, какъ пельза лучше, сообразно съ возрастомъ высочайшихъ зрителей; послѣ спектакля, исполненнаго очень удачно, была представлена живая картина, сюжетомъ которой была сцена на Прѣсныхъ Водахъ въ Константинополѣ; картина эта очень знала Ихъ Высочества, которые такъ недавно сами были въ Константинополѣ; затѣмъ былъ исполненъ греческій танецъ, въ которомъ приняли участіе восемь дѣтей обоего пола въ національныхъ костюмахъ.

Въ «Indépendance belge» отъ 16-го сентября пишутъ изъ Аелнъ, что студенты аелнскаго уиверситета приготавлиють ко дню пріѣзда своей молодой королевы Ольгѣ Константиновнѣ представленіе трагедіи Софокла *Антигона* на самыхъ развалинахъ театра Геродота, примыкающихъ къ южной части Акрополя. Какъ извѣстно, этотъ древній и замѣчательный памятникъ былъ вполнѣ открытъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по распоряженію бывшей греческой королевы Амалии.

Въ вѣнской «Presse» сообщаютъ, что король Баварскій, Лудвигъ II, вступилъ въ послѣднее время въ переговоры съ домомъ Ротшильда о заключеніи займа въ четыре милліона гульденовъ на счетъ собственныхъ суммъ короля, для постройки въ Мюнхенѣ новой великолѣпной улицы съ опернымъ театромъ для исполненія Вагнеровской музыки; но Ротшильдъ *отклонилъ* отъ себя это предложеніе.

Въ 18-й кп. «Revue des Deux Mondes» помѣщена вторая часть драматическаго сочиненія Жоржа Занда: «*Kadio*» сцены изъ вандейской войны.

Въ редакціи газеты «Москва» получены пожертвованія, въ пользу *русскаго театра во Львовѣ*, собранныя въ Тульчѣ отъ разныхъ лицъ 46 р.; всего съ прежними 30 р.

16-го (28-го) сентября, въ день святаго Вацлава, въ чешскомъ городѣ Кралевѣ-Дворѣ будетъ праздноваться *пятидесятилѣтняя память* открытія древнѣйшаго изъ чешскихъ литературныхъ произведеній «*краведворской рукописи*». Въ этотъ же день будетъ происходить въ Кралевѣ-Дворѣ закладка дома для чешскаго театра имени Ганки, который открылъ помянутую рукопись.

О Т В Ъ Т Ы Р Е Д А К Ц І И.

— Г. К.—ву. — Ваша статья, какъ имѣющая характеръ рекламы, напечатана не будетъ.

— Н. П. С.—У всякаго свой вкусъ.

— Г. Ал.—пу. — Постараемся воспользоваться; времени назначить не можемъ.

О ПОДПИСКѢ
НА МОСКОВСКІЯ ТЕАТРАЛЬНЫЯ АФИШИ
И ГАЗЕТУ
АВТРАКТЪ.

Афиши выходятъ ежедневно; годовая цѣна съ доставкою на домъ въ Москвѣ — 3 р. с.

Подписка принимается ежедневно въ конторѣ типографіи Императорскихъ Московскихъ театровъ (Т. Рись) у Мясницкихъ воротъ, въ домѣ Воейкова, а также въ книжныхъ лавкахъ обоихъ Московскихъ театровъ, въ Московскомъ почтамтѣ и въ книжномъ магазинѣ Салаевыхъ, на Никольской улицѣ.

Съ жалобами на неаккуратную доставку афишъ, подписчики благоволятъ обращаться въ типографію Императорскихъ Московскихъ театровъ (Т. Рись).

У всѣхъ книгопродавцевъ поступила въ продажу новая книга:

ЗАПИСКИ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ КАМЕЛИИ.

Цѣна 15 коп. сер., 32 страницы большого формата. Т 178

ДЛЯ ИМЯНИННИЦЪ

ПОЛУЧЕНЫ ИГРУШКИ СЛѢДУЮЩИХЪ СОРТОВЪ:

Куклы, говорящія папа и мама.

Куклы съ приданнымъ французск. раб.

Игры разн. сортовъ, бесѣдныя и полезныя.

Несесеры разн. величины.

Шеатулки роскошной отдѣлки.

Сервизы фарфор., металлическіе чайные и столовые.

Игрушки на пружинахъ парижской работы.

Оргавы разной величины.

Фокусъ отъ 75 к. и до 10 р. въ ящикахъ.

Куклы неодѣтыя, парижской работы, съ париками.

Комоды, шкафы, шифоньерки и разн. мебель.

въ депо игрушекъ Губкина, въ началѣ Газетнаго пер., и въ магазинѣ русскихъ издѣлій, на Кузнецкомъ мосту. Т 179.

УСЛОВІЯ АБОНЕМЕНТА

НА ЧТЕНІЕ НОТЪ

МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА

А. М. А. Н. Ф. З.

АБОНЕМЕНТЪ НА 15 ТЕТРАДЕЙ.

Цѣна за 1 годъ 12 руб. сер.

„ „ 6 мѣсяцевъ 7 „ „

„ „ 1 мѣсяцъ 1 „ „

Залога оставляется 7 рублей серебромъ.

АБОНЕМЕНТЪ НА 7 ТЕТРАДЕЙ.

Цѣна за 1 годъ 7 руб. сер.

„ „ 6 мѣсяцевъ 4 „ „

„ „ 1 мѣсяцъ 1 „ „

Залога оставляется 5 рублей серебромъ.

ВМѢСТО ПРЕМІИ

продаются подписчикамъ ноты за половину цѣны, назначенной въ каталогѣ.

Рояли и фортепіано отпускаются на прокатъ.

БОЛЬШАЯ ПАРГІЯ

русскаго полотна фабрики ЯКОВА ГРИБАНОВА сыновей получена и продается по прейсъ-курранту, за кусокъ въ 50 арш. отъ 15 и до 50 руб. сер.; прочностію не уступаетъ настоящему голландско. у, но дешевле до 30%

ДЕШО ПОЛОТЕНЪ

въ магазинѣ БИТЕПАЖА издѣл., на Ильинкѣ, близъ Биржи, рядомъ съ магаз. Матье, А. И. Ипатовъ.

ШАЛИ ПЛЕДЫ

и платки вигоневые и кашемировые въ магазинѣ БИТЕПАЖА

Издѣліе на Ильинкѣ, близъ Биржи, рядомъ съ магазиномъ Матье.